

ИСТОРИЯ РОССИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2017), 228–236
© The Author(s) 2017

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2017), 228–236
© Автор(ы) 2017

РАЗВЕДКА В ШВЕДСКО-РУССКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА

А.И. Чепель

*Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург,
achepel@mail.ru*

Аннотация. После подписания Столбовского мирного договора Россия и Швеция стремились к сотрудничеству в военно-политической и экономической сферах. Тем не менее, напряженность в межгосударственных отношениях сохранялась. Поэтому страны вынуждены были уделять пристальное внимание положению на общей границе. Одной из причин сохранения напряженности было то обстоятельство, что Россия отдала в пользу Швеции часть русских северо-западных территорий вместе с населением. Эта вынужденная мера только усиливала взаимную подозрительность.

Для надежной защиты границы с помощью военной силы у Швеции и России не хватало ресурсов, поэтому обеими странами активно велась разведывательная деятельность, игравшая существенную роль в организации обороны границы. Достоверная информация из-за рубежа способствовала своевременному реагированию на опасность. В XVII веке шпионаж считался важным способом получения информации. В шпионаже подозревали всех, кто прибывал из-за границы.

Для сбора информации использовались родственные, религиозные и деловые контакты приграничного населения. В новых условиях не было необходимости создавать за рубежом «агентурную сеть», потому что она уже существовала. Теперь приграничные власти выбрали в качестве шпионов тех, кто имел родственников, друзей, деловых партнеров по другую сторону границы. Лазутчикам, находившимся в привычном окружении, меньше приходилось опасаться разоблачения.

Чепель Александр Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

Россия попыталась вернуть потерянные земли в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг., но потерпела неудачу. Нарушение Россией «вечного мира» усилило подозрительность Швеции. Шведское правительство стало ужесточать контроль трансграничных контактов населения, пытаясь ограничить утечку информации.

Ключевые слова: шведско-русское приграничье, Столбовский мирный договор, шпионаж, русско-шведская война 1656–1658 гг.

Введение

По условиям Столбовского мира 1617 г. была установлена новая шведско-русская граница, должную оборону которой стороны долгое время обеспечить не могли¹. В этих условиях важнейшее значение приобрела информированность о возможных военных приготовлениях за рубежом. Разумеется, информацию поставляли дипломаты, находившиеся за рубежом с официальными миссиями², но при нерегулярности обмена послами особое значение в организации сбора информации о положении за рубежом играли приграничные власти.

Воеводам приграничных городов предписывалось любыми способами постоянно собирать «вести» и сообщать их в Москву³. Так, в 1649 г. в наказе вступавшему в должность олонецкому воеводе Василию Чеглокову царское правительство велело взять под контроль устроенный в Олонце гостиный двор и «приказывать тайно» русским купцам, вступавшим на этом дворе в деловые контакты с зарубежными коллегами, у иноземцев проводить «про всякие вести, которые Московскому государству годны», но при этом чтобы русские торговцы «сами бы ни про что не рассказывали»⁴.

В обязанности воевод входил также допрос всех выходцев из-за рубежа, а также русских «полоняников» (пленников), возвращавшихся в Россию. Уже с начала XVII в. при воеводах состояли специальные «вестовщики», или лазутчики, которых посылали в приграничную зону для сбора информации. Они набирались как из служилых людей, так и из посадских и торговых и даже из крестьян. «Вести» воеводской приграничной администрации были обязаны доставлять русские купцы, посещавшие зарубежные страны с торговыми целями. Русские власти предполагали, что в своих поездках за рубеж «вестовщики» должны стараться завести «знакомцев», через которых затем могли добывать секретные сведения⁵. Механизм получения приграничными властями оперативных известий из-за рубежа с помощью засланных лазутчиков, как правило, был таков. Воеводы давали распоряжение начальникам застав отправить за рубеж верного человека для разведки. К примеру, в 1636 г. голова (начальник) Тесовской заставы Богдан Тырков получил прямое воеводское предписание отправить за рубеж «крестьянина добра» с целью добыть «всякие вести в немецких городах»⁶.

¹ Курбатов 2007, 185.

² Джинчарадзе 1952, 230.

³ Варенцов 1996, 73.

⁴ Коркунов 1848, 249.

⁵ Аверьянов 2001, 116.

⁶ Архив СПбИИ РАН (Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук). Ф. 109. Оп. 1. Д. 667. Л. 1.

Проведение новой шведско-русской границы оказало определенное влияние на систему сбора «вестей» в приграничье, во многом она упростилась. Теперь для сбора информации за рубежом лазутчикам зачастую не требовалось заводить «знакомцев»: разделенные пограничной чертой люди сохраняли прежние родственные, дружеские, торговые связи. Это обстоятельство учитывалось властями Швеции и России и использовалось в организации сбора информации о положении за рубежом. Лазутчиков старались подбирать именно по признаку наличия зарубежных контактов. К примеру, в 1622 г. новгородские воеводы отрядили в шведские владения, в Выборг, в Выборгский и Корельский уезды, под видом торговцев именно тех казаков, которые «наперед сего там живали» и имели давние связи с местным населением. Казакам было поручено «проездивать накрепко», пропущены ли царские послы в Данию или задержаны в Швеции⁷. В 1621 г. новгородские воеводы отправили лазутчиком в шведские земли, в Ивангород, Микиту Шандина и прямо объясняли Москве свой выбор следующим образом: «А посылали мы того Микитку в Ивангород для вестей потому, что наперед сего он бывал в Ивангороде в рассылке и у него там знакомцы и племя есть»⁸. Практика отправлять за рубеж тех, кто имел родню («племя») и знакомых по другую сторону границы, себя оправдывала. Так, в 1621 г. вернувшиеся из-за рубежа царские подданные смогли добыть в Швеции «вести» именно благодаря тому, что с ними говорили «пономарь Васька и иные русские и немецкие знакомые люди», жившие в шведском приграничье⁹.

Нередко именно благодаря сохранившимся связям разделенных границей людей представители приграничных властей получали рычаг, с помощью которого убеждали подданных соседнего государства собирать «вести» в интересах иностранного монарха. Таким рычагом могло быть осознание потенциальным лазутчиком того факта, что судьба его родственников по ту сторону рубежа находится в руках приграничной администрации соседней державы. Так, в 1618 г. на границе при попытке обойти русскую заставу лесом был пойман крестьянин Савка, стремившийся попасть в русские пределы со шведской территории. Он оказался царским подданным, который был завербован шведами, когда ходил к брату Поташке в шведские владения, в Ивангород «повидаться» по-родственному. Зарубежный родственник Поташка, стремясь угодить шведской администрации (или по прямому требованию этой администрации: документы не сохранили побудительную причину действий Поташки), доложил фельдмаршалу К.К. Юлленгельму («маршалку») о наличии такого ценного в смысле сбора зарубежной информации родственника. «Маршалок» отправил «Савку к Москве проведать про литовских людей и вестей и дал ему денег на дорогу полтора рубли. А проведав де вести, велел ему маршалок быть у себя в Ивангороде»¹⁰.

Юлленгельм попытался выручить задержанного Савку, отправив в Великий Новгород посадского человека Михаила Куколкина с письмом, содержавшим просьбу отпустить лазутчика. Шведский посланец разъяснял представителям во-

⁷ РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1622 г. Д. 1. Л. 78.

⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 169.

⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1622 г. Д. 1. Л. 81–82.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619 г. Д. 1. Л. 32–33.

еводской администрации мысль «маршалка»: Савка был отправлен в русское приграничье не в ущерб русской стороне, а, наоборот, во благо. Ведь одинаковую опасность для жителей и властей как шведского, так и русского приграничья в первые годы после Столбовского мира представляли остатки разномастных банд Смутного времени – «литовские люди», «русские воры». Так, летом 1618 г. ладожские воеводы докладывали в Москву: «А про литовских, государь, людей у нас вести носятца не тихие», – а 5 февраля 1619 г. под русскую крепость Ладогу со стороны Тихвина пришел полковник Ярош Плецкий с большим отрядом, сумел захватить прямо под крепостными стенами пленников («стрельца, казака, посадского человека, женку и двух девок») и безнаказанно отошел. Всё, что смогли сделать в сложившейся ситуации ладожские воеводы, – засесть в глухую оборону в крепости и направить отряд Плецкого в сторону шведской границы, указав им для этого удобную дорогу: для защиты посада и вызволения пленников сил не нашлось¹¹. При таком раскладе, когда вооруженные банды могли в любой момент (иногда, как в рассмотренном случае, – фактически по наводке зарубежной приграничной администрации, отводившей беду от себя) появиться в приграничье, не вызывает удивления оправдательная риторика Юлленгельма. Он убеждал русских воевод, что отправлял Савку «к Москве проводить вести про литовских людей», «про общих недругов польских людей», а вовсе не для выуживания сведений о положении дел в Московском государстве – «не для худа». Был отпущен Савка или нет – об этом сведений не обнаружено, дальнейшая его судьба неизвестна¹².

Сбор «вестей» проводился постоянно, но эта деятельность, разумеется, приобретала особое значение и остроту в условиях военных действий. В самом начале русско-шведской войны 1656–1658 гг., 31 мая 1656 г., на русскую территорию, в Олонец, со шведской территории прибыл на судне корелянин Трофим Кириллов сын Зубков и стал торговать смолой по очень низкой цене. Он расспрашивал всех о положении дел в Олонецком уезде, в частности, о крепости Олонец и его гарнизоне. О подозрительных действиях корелянина русскому воеводе в съезжую избу тут же доложил таможенный голова Иван Петров. Воевода через подставных лиц, напоивших «купца», убедился из его «пьяных речей» в шпионской миссии корелянина. Лазутчика взяли на допрос, и под пыткой Трофим сознался, что является жителем шведского Кексгольма и был завербован в разведку шведом Бланкен-Гавеном («Планкуем»), который выдал ему смолу, предоставил гребцов и кормщика из своего поместья. Трофим поведал русским о положении дел в Кексгольме, послужив, таким образом, нечаянным лазутчиком в пользу Московского государства. Видимо, за эту откровенность ему была выплачена компенсация за изъятие «на государев обиход» судно и смолу¹³.

В 1659 г., в период, когда между Россией и Швецией уже было заключено Валиесарское перемирие 1658 г., но пока не подписан очередной «вечный мир», информация о положении дел у соседа была необычайно актуальна. Ведь любая слабость соперника в военной, экономической, политической сферах, если о ней будет известно до начала переговоров, может сыграть роль козыря в дипломатических баталиях. По этой причине стороны, не имевшие возможности ради-

¹¹ Селин 2008, 83–85.

¹² Селин 2016, 608–609.

¹³ Гадзяцкий 1941, 250.

кально прервать контакты, «закрыть границу», искали способы минимизировать возможную утечку информации. Так, летом 1659 г. русский торговец Яков Белоусов, вернувшийся из шведской Нарвы (Ругодива), докладывал властям Великого Новгорода, что администрация Нарвы строго распорядилась пресекать переписку через рубеж. В это время шведский король-полководец Карл X Густав вел в Европе военные действия, а затем переговоры о мире, и шведской стороне было важно пресечь поступление в Россию информации о результатах европейской политики Швеции. Частные письма («грамотки»), которые поступали из Стокгольма в Нарву в адрес русских по происхождению подданных шведского короля, нарвские власти перехватывали «для того, чтобы им, русским людям, тех вестей не ведать». Кроме того, шведским подданным были запрещены любые разговоры на острые военно-политические темы. По этой причине те жители Нарвы, которые успели получить информацию из Стокгольма («которые про те вести ведают»), опасаясь выказать нелояльность шведским властям, «русским людям того не сказывают, от них таят»¹⁴.

Учитывая стремление обеих сторон всеми способами раздобыть «вести» с территории соседа, подозрительность была естественным состоянием в приграничье. Помимо интереса к военным и дипломатическим удачам и поражениям соседа, отдельное внимание обеих сторон привлекало состояние приграничных зарубежных крепостей. Так, вскоре после заключения Столбовского мира, в ноябре 1617 г., когда полным ходом шло межевание новой границы, русские межевые послы отправили лазутчиков в Ивангород, по условиям мира отходивший к Швеции. Выбор посланцев был рационально обусловлен тем обстоятельством, что у лазутчиков в Ивангороде жили родственники. Вернувшись, лазутчики сообщили, что шведы усиленно укрепляют приграничные форпосты. В Нарве «ров вычистили и попорченные места с обе стороны камнем выклали», в Ивангороде «поставили новый острог наскоро и около острогу делают надолбы и ров чистят», в Яме «около города так же ров чистят и крепости подельывают»¹⁵.

Взаимная подозрительность не исчезала даже в периоды политического сближения России и Швеции, к которому страны стали продвигаться сразу после подписания Столбовского мира, надеясь совместными усилиями одолеть общих врагов. Так, в 1650 г. псковские воеводы докладывали в Москву, что «немчин Александр полковник по городской стене ходил и около всего города Пскова наряду и боев и слухов и всякой городской крепости высматривал и наряд мерил, длину и ширину, и писал, и около, государь, города шупами землю шупал», а потом в Стокгольм ездил¹⁶. Полковник выполнял фортификационные работы с ведома русского правительства, но псковские воеводы посчитали необходимым подробно доложить о его действиях в Москву: а вдруг в них есть элемент разведывательной деятельности?

Власти стремились поддерживать деятельность лазутчиков, работавших на обороноспособность страны. Так, в 1647 г., отправляя наказ вступившему в должность псковскому воеводе, русское правительство распорядилось отправлять лазутчиков в зарубежные «литовские города, и в Ивангород, и в Ругодив и в иные

¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–2.

¹⁵ Селин 2016, 69.

¹⁶ Якубов 1897, 342.

города», а вернувшихся с ценной информацией («которые придут с вестями»), было велено «кормить и поить довольно, а за подлинные вести давать им государева жалованья поневелику..., чтоб лазутчикам вперед в зарубежные города для вестей ходить и вести проведывать было повадно»¹⁷.

Столбовская граница разделила не только родственников и знакомых, но и православных священников со своими духовными детьми. По условиям мира приходские священники должны были остаться на отходящих к Швеции русских землях, но случалось, что прихожане и священники по различным причинам оказывались по разные стороны рубежа, и духовные связи рвались. Это болезненное для православных обстоятельство оказывало подчас положительное влияние на разведывательную деятельность в приграничье. Традиционно отношения православного священника и его паствы рассматривали в рамках так называемой покаянной семьи – людей, регулярно причащающихся и исповедующихся у одного иерея, считавшегося их духовным отцом. Связь духовника со своими духовными детьми подразумевала регулярное живое религиозно-нравственное и простое житейское общение¹⁸. Этой духовной связью русские власти пользовались, в том числе, для сбора «вестей» в шведских владениях, о чем говорит следующий пример. Русская крепость Гдов до 1621 г. (до окончания межевания границы) находилась в залоге у шведов, и шведские власти отправляли оттуда лазутчиков в соседние Псков и Печерский монастырь, с целью узнать, не готовится ли царь силой овладеть важной в стратегическом отношении крепостью, не дожидаясь окончания межевания. Русские власти сумели узнать об организации этих разведывательных мероприятий от своего посланца, «попа Иосифа Лукина сына», который был отправлен воеводами к игумену Озерского монастыря, находившегося на временно подконтрольной шведам территории, в Гдовском уезде. Этот игумен сумел наладить почти дружеские отношения со шведской администрацией, поэтому информация, которую можно было получить от него, обладала особой ценностью. Выбор воеводами в качестве лазутчика именно «попа Иосифа», а не какого-либо другого священника, объяснялся религиозными узами, связывавшими его с игуменом: «А тому игумену он сын духовный»¹⁹.

Вероятно, многие жители шведско-русского приграничья, неожиданно для себя отрезанные рубежом от прежних соотечественников, довольно продолжительное время не могли сделать выбор между шведским королем и царем. Так, житель находившегося до 1621 г. под шведской властью Гдова Лука систематически доставлял «вести» на русскую сторону и убеждал русские власти, что и впредь «про всякие вести в Ивангороде, Гдове, Кольванском и Ругодивском уезде проведывать» будет²⁰.

Если упомянутый Лука находился под шведской властью не по своей воле, временно, что может объяснить его желание по-прежнему служить царю, то в ином положении находились перешедшие на службу к шведскому королю русские дворяне – так называемые «русские бояре», которые в Смутное время, во время присутствия шведских войск и шведской администрации в Великом Нов-

¹⁷ Коркунов 1848, 88–89.

¹⁸ Стефанович 2002, 236–237.

¹⁹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 158–159.

²⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1621 г. Д. 1. Л. 160.

городе, служили шведам, и многие из них выбрали шведское подданство после возвращения Великого Новгорода Московскому царству. Решение остаться под шведской властью могло быть вызвано несколькими мотивами – принуждением, убеждениями самих «русских бояр», материальной выгодой²¹. В ту эпоху, когда повсеместно самым главным капиталом была земля²², перспектива сохранить полученные из шведских рук земельные владения играла не последнюю роль при выборе подданства²³, но, вероятно, сомнения в правильности сделанного выбора у некоторых землевладельцев сохранялись. Один из «русских бояр», Никита Калитин, в 1620 г. (в том же году он был причислен к шведскому дворянству²⁴) тайно сносился с русскими властями: «Приезжал в Новгород с продажным хлебом из Копорского уезда человек Никиты Калитина Мокейко Антонов», сообщивший важные сведения о планах шведских межевальных послов, и с обещанием – если он, Калитин, «у немецких людей еще каких вестей проведает», то вновь поставит информацию русским властям. Далее Калитин просил царя, чтобы тот простил ему «вину», и обещал при первом же удобном случае перейти на русскую сторону («к государю будет тотчас»). Новгородские воеводы велели передать Калитину царскую волю: пусть он и дальше собирает на шведской стороне сведения и «тайно» сообщает их русским властям. Царь распорядился обнадеживать «русского боярина» в согласии в будущем принять его на русской стороне, но сейчас его роль информатора для Москвы важнее²⁵.

Заключение

Таким образом, в шведско-русском пограничье после заключения Столбовского мира обеими сторонами активно велась разведывательная деятельность, игравшая существенную роль в организации обороны границы. Оперативно полученная из-за рубежа достоверная информация способствовала своевременному реагированию на опасность. Для сбора сведений стороны эксплуатировали родственные, религиозные и деловые контакты, сохранившиеся у населения, разделенного линией границы. При этом местные приграничные власти вынуждены были учитывать стремление Москвы и Стокгольма к сотрудничеству, что побуждало сглаживать острые моменты, возникавшие в процессе разведывательной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверьянов, К.А. 2001: Русская дипломатия и контрразведка в XVII веке. В сб.: И.С. Иванов (ред.), *Российская дипломатия: история и современность*. М., 110–120.
- Арсеньев, С.В. 1905: Русские дворянские роды в Швеции. *Летопись историко-родословного общества в Москве* 2, 5–11.
- Варенцов, В.А. 1996: О структуре управления Новгорода в XVII веке. В сб.: В.Ф. Андреев (ред.), *Прошлое Новгорода и Новгородской земли*. Новгород, 72–77.

²¹ Пересветов-Мурат 1999, 366–367.

²² Кулишер 2008, 17.

²³ Линд 2000, 62.

²⁴ Арсеньев 1905, 6.

²⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1620 г. Д. 1. Л. 66–73.

- Гадзяцкий, С.С. 1941: Карелия и Южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. *Исторические записки* 11, 247–278.
- Джинчарадзе, В.З. 1952: Борьба с иностранным шпионажем в России в XVII веке. *Исторические записки* 39, 229–258.
- Коркунов, М. (ред.) 1848: *Дополнения к актам историческим*. Т. 3. СПб.
- Кулишер, И.М. 2008: *История экономического быта Западной Европы*. Т. 2. Челябинск.
- Курбатов, О.А. 2007: Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 годов. *Архив русской истории* 8, 157–197.
- Линд, Д.Х. 2000: *Ингерманландские «русские бояре» в Швеции: их социальные и генеалогические корни*. М.
- Пересветов-Мурат, А.И. 1999: Из Ростова в Ингерманландию: М.А. Пересветов и другие русские байжоры. *Новгородский исторический сборник* 7, 366–378.
- Селин, А.А. 2008: *Ладога при Московских царях*. СПб.
- Селин, А.А. 2016: *Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие*. СПб.
- Стефанович, П.С. 2002: *Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках*. М.
- Якубов, К. 1897: *Россия и Швеция в первой половине XVII века*. М.

REFERENCES

- Aver'yanov, K.A. 2001: Russkaya diplomatiya i kontrrazvedka v XVII veke. In: I.S. Ivanov (red.), *Russkaya diplomatiya: istoriya i sovremennost'*. Moscow, 110–120.
- Arsen'ev, S.V. 1905: Russkie dvoryanskie rody v Shvetsii. *Letopis' istoriko-rodoslovnogo obshchestva v Moskve* 2, 5–11.
- Varentsov, V.A. 1996: O structure upravleniya Novgoroda v XVII veke. In: V.F. Andreev (red.), *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoy zemli*. Novgorod, 72–77.
- Gadzyatskiy, S.S. 1941: Kareliya i Yuzhnoe Priladozh'e v russko-shvedskoi voyne 1656–1658 gg. *Istoricheskie zapiski* 11, 247–278.
- Dzhincharadze, V.Z. 1952: Bor'ba s inostrannym shpionazhem v Rossii v XVII veke. *Istoricheskie zapiski* 39, 229–258.
- Korkunov, M. (red.). 1848: *Dopolneniya k aktam istoricheskim*. Т. 3. Saint-Petersburg.
- Kulisher, I.M. 2008: *Istoriya ekonomicheskogo byta Zapadnoy Evropy*. Т. 2. Chelyabinsk.
- Kurbatov, O.A. 2007: Organizatsiya i boevye kachestva russkoy pehoty «novogo stroya» накануне i v hode russko-shvedskoy vojny 1656–1658 godov. *Arhiv russkoy istorii* 8, 157–197.
- Lind, D.Hr. 2000: *Ingermanlandskie «russkie boyare» v Shvetsii: ih sotsial'nye i genealogicheskie korni*. Moscow.
- Peresvetov-Murat, A.I. 1999: Iz Rostova v Ingermanlandiyu: M.A. Peresvetov i drugie russkie baijor'y. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik* 7, 366–378.
- Selin, A.A. 2008: *Ladoga pri Moskovskih tsaryah*. Saint-Petersburg.
- Selin, A.A. 2016: *Russko-shvedskaya granitsa (1617–1700 gg.). Formirovanie, funktsionirovanie, nasledie*. Saint-Petersburg.
- Stefanovich, P.S. 2002: *Prihod i prihodskoe duhovenstvo v Rossii v XV–XVII vekah*. Moscow.
- Yakubov, K. 1897: *Rossiya i Shvetsiya v pervoy polovine XVII veka*. Moscow.

INTELLIGENCE IN THE SWEDISH-RUSSIAN BORDERLAND
AFTER THE TREATY OF STOLBOVO

Alexander I. Chepel'

*State Marine Technical University of St. Petersburg, Russia,
achepel@mail.ru*

Abstract. After the signing of the Treaty of Stolbovo Russia and Sweden sought to cooperate in the military-political and economic spheres. However, the tension in the international relations remained and the countries were forced to pay close attention to the situation on the common border. The fact, that in favor of Sweden Russia had given the part of the Russian North-West Territories together with the population, was the reason for the continuing tension. This forced measure only increased mutual suspicion.

For the reliable protection of the borders by the military force Sweden and Russia did not have enough resources, so the two countries made reconnaissance. The Intelligence activities played a significant role in organizing the defense of the border. Reliable information from abroad contributed to timely respond to the danger. In the 17th century the espionage was considered as an important way of getting information. Everyone who arrived from abroad was suspected in espionage.

Kinship, religious and business contacts of the border population were used to collect the information. In the new conditions there was no need to create overseas «spy network» because it had already existed. Then the border authorities chose spies among those who had relatives, friends, and business partners on the other side of the border. Agents, who were in familiar environment, had less fear of being exposed.

Russia tried to regain the lost territories during the Russian-Swedish War of 1656-1658, but failed. The violation of «eternal peace» by Russia strengthened the suspicion of Sweden. The Swedish government started to toughen the control of transboundary population contacts, trying to limit the breach in security.

Key words: Swedish-Russian Border Region, the Treaty of Stolbovo, espionage, Russian-Swedish War of 1656–1658
